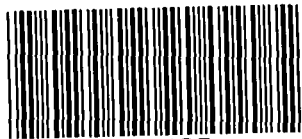

12

На правах рукописи

4841595

Машнина Елена Викторовна

**ПОТРЕБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ДНЕВНИКОВ 1941-1945 ГГ.)**

Специальность: 24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Санкт-Петербург

2011 г.

31 МАР 2011

[Handwritten signature]

Работа выполнена на кафедре межкультурных коммуникаций
ФГОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет водных
коммуникаций»

Научный руководитель: доктор педагогических наук, профессор
ХАРЧЕНКОВА Людмила Ивановна

Официальные оппоненты: доктор культурологии,
доктор педагогических наук, профессор
МАРКОВ Александр Петрович

кандидат культурологии, доцент
ЧУКУРОВ Андрей Юрьевич

Ведущая организация: Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия
им.А.Л. Штиглица

Защита состоится « 21 » февраля 2011 года в 16 часов на
заседании Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д
212.199.23 при Российском государственном педагогическом университете
им. А.И. Герцена по адресу: 197046, г. Санкт-Петербург, ул. Малая
Посадская, д.26, ауд. 317.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке
Российского государственного педагогического университета им. А.И.
Герцена по адресу: 191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48, корп. 5.

Автореферат разослан « 20 » января 2011 г.

Ученый секретарь Совета по защите
докторских и кандидатских диссертаций,
кандидат культурологии, доцент

В.Н.Бондарева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Изучение культуры повседневности принадлежит к числу наиболее актуальных направлений современного гуманитарного знания. Выделившись в 70-80-х годах прошлого столетия в самостоятельное культурологическое направление, культура повседневности стала объектом научного интереса целого ряда гуманитарных дисциплин.

Современная культурологическая наука ищет пути, позволяющие приблизиться к пониманию историко-культурного прошлого через его субъекта и носителя – самого человека. Обращение к категории «повседневность» рассматривается как один из возможных подходов, позволяющих осуществить всесторонний анализ материальных, социальных и культурных форм повседневного бытия человека – его жизненного микромира, стереотипов мышления и поведения.

В настоящем исследовании впервые предлагается выделить для рассмотрения культуру повседневности военного времени. В основном данная область научных изысканий подчиняется общим закономерностям культурологического исследования повседневности в целом, но имеет свою специфику, определяемую экстремальностью состояния общества, страны, народа в состоянии вооруженных конфликтов и особенно крупномасштабных войн.

Войны сопровождают человека на протяжении всей истории его существования. Сверхординарное событие, ломающее традиционный бытовой, социальный, культурный уклад, война всегда знаменует собой радикальную смену социальных и культурных координат. В результате наблюдается изменение нормативно - ценностных структур повседневности, осуществляется поиск путей обновления форм культурного бытия человека, появляется новый акцент в его отношении к вещи, другим людям, самому себе.

В данной диссертационной работе специфика и характер социального функционирования явлений советской повседневной культуры периода Великой Отечественной войны исследуются в функционально-деятельностном аспекте в связи с осознанной и неосознанной повседневной деятельностью человека по удовлетворению своих потребностей. При подобной постановке вопроса исходным пунктом в исследовании культуры повседневности становится человек со всем многообразием его потребностей.

Выявление не только теоретических оснований, но и эмпирических реалий является одной из важнейших задач культурологического

осмысления повседневности военного времени. Актуальность разработки темы исследования возрастает в связи с использованием нетрадиционных и уникальных в силу ряда причин источников: дневники 1941-1945 годов, авторами которых были простые солдаты и советские граждане, составляют целый пласт бытовой письменной культуры, до сих пор остававшийся вне зоны исследовательского интереса.

Объектом настоящего исследования является культура повседневности военного времени, в частности, советская повседневная культура периода Великой Отечественной войны.

Предмет исследования – структура потребностей человека и культурные нормы их удовлетворения.

Цель исследования – проследить процесс и механизмы трансформации структуры потребностей человека и культурных норм их удовлетворения в советской культуре повседневности указанного исторического периода. В соответствии с этой целью были сформулированы следующие задачи:

- ❖ уточнить понятийный аппарат, отражающий проблематику данного исследования: определить научный статус и содержание базовых понятий «культура», «повседневность», «культура повседневности», «потребности человека»;
- ❖ рассмотреть кризисные ситуации в культуре повседневности;
- ❖ проанализировать наиболее важные методологические и теоретические аспекты исследования культуры повседневности военного времени в отечественной и зарубежной науке;
- ❖ выявить типологические особенности структуры потребностей человека, их обусловленность культурой, культурными нормами, а также механизмы трансформации в кризисной ситуации;
- ❖ установить и систематизировать репрезентативные источники, необходимые для исследования культуры повседневности военного времени в заявленном проблемном ракурсе;
- ❖ разработать функционально-деятельностную модель исследования потребностей человека в контексте культуры повседневности военного времени на материале дневников;
- ❖ выявить и проанализировать конкретные кризисные ситуации, имевшие место на фронте и в блокадном Ленинграде, а также проследить влияние этих

кризисных ситуаций на структуру потребностей человека и культурные нормы их удовлетворения.

Степень разработанности проблемы. Несмотря на внушительный список работ, которые можно отнести к рассматриваемой проблематике, культура повседневности военного времени остается на сегодняшний день по большей части не изученной.

Современные представления о культуре повседневности опираются, с одной стороны, на методологию исторической антропологии, разработанную представителями французской «Школы Анналов» (Л.Февр, М.Блок, Ф.Бродель, Ж.Дюби, Ж. Ле Гофф и др.) и их российскими последователями (А.Я.Гуревич, Ю.Л.Бессмертный, А.Л.Ястребицкая и др.); с другой стороны на феноменологию (работы Э.Гуссерля, М.Хайдеггера, Г.Г.Гадамера и др.) и феноменологическую социологию (труды А.Шюца, П.Бергера, Т.Лукмана, Э.Гоффмана и др.). В отечественной научной традиции феноменологические идеи развивали М.М.Бахтин, А.Ф.Лосев. В русле феноменологической социологии работает Л.Г.Ионин. С 1990-х годов социология повседневности активно анализируется в работах отечественных исследователей (Л.Д. Гудкова, Е.В. Золотухиной - Аболиной, Н.Н. Козловой, Б.В. Маркова и др.). В рамках культурно – семиотического направления самого пристального внимания заслуживают научные работы представителей московско-тартуской школы (Ю.М.Лотман, В.В.Иванов, В.Н.Топоров, Б.А. Успенский и др.), а также труды Г.С. Кнабе, В.Д. Лелеко и др.

Кризисные ситуации в культуре повседневности рассматриваются в работах Н.Н.Козловой, Н.Л.Новиковой.

Анализ научной литературы свидетельствует об отсутствии специальных исследований и, следовательно, целостного представления о культуре повседневности военного времени, в частности, о советской повседневной культуре периода Великой Отечественной войны. Основными причинами недостаточной разработанности данной проблематики в отечественной науке являются стереотипы изучения войн: долгое время в рамках господствовавшего классово-формационного подхода в отечественной методологии гуманитарных наук не изучались бытовые особенности жизни «обычных людей» и культурные формы их проявления, если они не касались революционных, идеологических, государственных аспектов российской истории. Инициатором поворота к изучению «человеческого измерения»

войны является исследователь Е.С. Сенявская, в работах которой проблема «человек и война» рассматривается как междисциплинарная отрасль исторической науки¹, позволяющая включить её в рамки культурологических исследований.

Потребности человека в различных аспектах достаточно хорошо изучены, однако сущность потребностей, способы и механизмы их реализации, принципы классификации рассматриваются в основном с философских (М.С.Каган, А.Г.Здравомыслов, А.М.Самсин, Т.А.Марченко, П.М.Ершов и др.), социологических (И.В. Бестужев-Лада, А.И.Вишняк, Л.Н.Жилина, Н.М.Бережной и др.), психологических (А.Н.Леонтьев, С.Л.Рубинштейн, П.В. Симонов, Е.П. Ильин, А.Маслоу и др.) экономических (Л.Я.Баранова, Б.М.Левин, В.В.Радаев и др.) позиций. Культурологический анализ структуры потребностей человека представлен в функциональной концепции культуры (Б.Малиновский, А.Р.Рэдклифф-Браун и др.). Экзистенциальные потребности человека исследованы и типологизированы в работах американского философа Э.Фромма.

Дневники как источниковедческий феномен представлены в трудах отечественных дореволюционных (П.Пекарский, А.Галахов, Н.Чечулин, М.Пыляев, П.А.Зайончковский) и современных ученых (И.Н. Данилевский, С.С.Минц, В.В.Кабанов, О.М.Медушевская и др.). Дневники в контексте истории и теории литературы изучались русскими писателями XIX века (В.Г.Белинский, А.И.Герцен и др.), а также исследователями Л.Я.Гинзбург, Г.Г.Елизаветиной, О.Г.Егоровым, М.Михеевым. Культурологический подход к исследованию дневников реализуется в работах А.Г.Тартаковского, И.Л.Сиротиной и др. Однако не весь дневниковый пласт, в частности, так называемые «наивные» дневники, был достаточно изучен. В отечественной науке первая попытка исследования феномена «наивной литературы» была предпринята около пятнадцати лет назад². С тех пор не появилось ни одного заметного исследования по данной проблематике.

Рабочая гипотеза: использование функционально-деятельностной модели исследования потребностей человека в контексте повседневной культуры

¹ Сенявская Е.С. 1941 – 1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование.- М., 1995; Человек в войне. Историко-психологические очерки.- М., 1997; Психология войны в XX веке.- М., 1999.

² Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. – М., 1996.

военного времени, а также привлечение в качестве источниковедческого материала дневниковых записей 1941-1945 годов, позволяет проследить процесс и механизмы трансформации структуры потребностей человека и культурных норм их удовлетворения в советской повседневной культуре периода Великой Отечественной войны.

Эмпирическим материалом исследования выступают опубликованные и архивные дневники 1941-1945, авторы которых не являются профессионалами (писателями, журналистами и т.д.). Как правило, подобные записи не предназначены к публикации, что определяет внешнюю и содержательную составляющую данных текстов.

Положения, выносимые на защиту:

I. Культура повседневности военного времени характеризуется преобладанием в ней кризисных ситуаций, дефицитом возможностей удовлетворения потребностей человека, связанным с нарушением существующих культурных норм и отсутствием информации.

II. В мирное время в типовых ситуациях удовлетворение потребностей воспринимается как исключительно субъективный акт, не подчиняющийся никаким внешним правилам и установкам. В кризисных ситуациях практика удовлетворения потребностей изменяется и нуждается в регуляции культурными нормами, что явственно осознается каждым членом сообщества.

III. Дневники 1941-1945 гг. являются самодостаточными источниками для исследования культуры повседневности военного времени в заявленном проблемном ракурсе, так как в силу их жанровой специфики (регулярности ведущихся записей, их синхронности описываемым событиям) и ориентации на автокоммуникативность, именно они позволяют проследить процесс трансформации структуры потребностей человека и культурных норм их удовлетворения в повседневной культуре военного времени.

IV. В советской культуре повседневности периода Великой Отечественной войны в кризисной ситуации начинают действовать ранее существовавшие, но забытые нормы: регламент, предписание, подчинение личной необходимости. В структуре человеческих потребностей актуализируются этно-национальные потребности, ставшие доминантой жизни для многих советских людей.

Научная новизна исследования определяется решением поставленных задач и доказательством выдвинутой гипотезы работы и выражается в следующем:

- ❖ Культура повседневности военного времени, в частности, советская повседневная культура периода Великой Отечественной войны, впервые становится объектом специального культурологического исследования, базирующего на обобщении данных различных наук (философии, историографии, социологии, психологии);
- ❖ В рамках темы были введены в научный оборот культурологии, систематизированы в границах единого исследовательского поля материалы, ранее не подлежавшие научному анализу и систематизации – опубликованные и архивные дневники 1941-1945 годов.
- ❖ Уточнен понятийный аппарат исследования: систематизировано представление о «культуре повседневности», рассмотрены кризисные ситуации в культуре повседневности (голод, разруха и др.), конкретизировано понятие сущности и специфики культуры повседневности военного времени (дефицит возможностей удовлетворения потребностей человека, отсутствие информации, нарушение культурных норм);
- ❖ Дано обоснование теоретических предпосылок и методологических оснований исследования культуры повседневности военного времени, в качестве методологических единиц анализа выступают понятия «кризисная ситуация» и «доминанта»;
- ❖ Использование функционально-деятельностной исследовательской модели, основанной на качественном анализе «человеческих документов», позволило проследить процесс трансформации структуры человеческих потребностей и культурных норм их удовлетворения в советской культуре повседневности периода Великой Отечественной войны.

Теоретическая и методологическая основа исследования.

Сложность и многогранность изучаемой проблемы, а также высокий эвристический потенциал самих терминов «повседневность», «потребности» обуславливают необходимость проведения интегративного междисциплинарного исследования, сочетающего в себе достижения различных наук: философии, культурологии, историографии, социологии, психологии.

В работе используется деятельностный подход (М.С. Каган, Э.С. Маркарян), опирающийся на структурно-функциональный метод

(Б.Малиновский, А.Р.Рэдклифф-Браун). Принципиально важным в методологическом отношении для данного исследования является понятие «кризисная ситуация», выделенное нами по аналогии с понятием «жизненная ситуация», предложенным Э.А. Орловой для обозначения дискретной составляющей образа жизни человека, которая обладает некоторой внутренней целостностью, имеет свои временные границы и специфический смысл, а также понятие «доминанта» как основной принцип функционирования структуры потребностей человека. Кризисная жизненная ситуация – это ситуация, для действия в которой нет готовых норм и культурных предписаний и в которой человек должен не только быть приверженным какой-либо традиции, но и создавать новую культурную традицию (В.А.Конев).

В исследовании нашел применение комплекс исторических методов (принцип историзма, приоритета источника, аналитико-описательный метод, метод сравнительно-исторического анализа, синхронистический и диахронический анализ). Анализ текстов осуществлялся в рамках сравнительно-типологического метода. Герменевтический и семиотический подходы к анализу текстов, обоснованные, в частности, в работах Г.-Г. Гадамера и Ю.М.Лотмана, также являются для данной диссертации базисными.

Теоретико-методологические основы диссертации тесно связаны с концептуальными установками культурологических исследований, представленных в работах М.С. Кагана, С.Н.Иконниковой, Э.С.Маркаряна, А.Я.Флиера и др.

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении предметного поля культурологических исследований за счет включения в него культуры повседневности военного времени. Весьма значимым представляется рассмотрение потребностей человека в качестве «движущих сил», которые породили различные состояния повседневной деятельности человека в кризисных жизненных ситуациях войны и блокады.

Практическая значимость исследования. Теоретические положения и фактологический материал, собранный и обобщенный в диссертации, её результаты и выводы могут быть использованы в процессе преподавания университетских курсов по различным дисциплинам культурологического цикла, затрагивающих основы культуры повседневности, потребностей

человека, а также при подготовке научных трудов по теории и истории культуры, составлении учебных пособий по теории и истории культуры повседневности России.

Апробация исследования осуществлялась в форме докладов на конференциях: «Дух и культура Ленинграда в тылу Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов» (Санкт-Петербург, 2010), «Феномен творческой личности в культуре: Фатющенко-ские чтения» (Москва, 2010). Теоретические принципы подхода к исследуемой проблематике и основные положения диссертации нашли отражение в пяти авторских публикациях общим объемом 2,8 п.л.

Собранный и проанализированный в настоящей диссертации материал использовался в качестве теоретических и практических основ в учебном курсе «Теория и история культуры повседневности России» в Санкт-Петербургском государственном университете водных коммуникаций.

Объем и структура диссертации. Диссертационное исследование изложено на 185 страницах и включает введение, две главы, заключение, библиографию и приложение. Список использованной литературы состоит из трех разделов: научная литература (242 наименования), справочная литература (11 наименований), дневники 1941-1945 годов (70 наименований).

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении дано обоснование актуальности темы диссертационного исследования, на основе обзора литературы формулируются его цель и задачи, раскрывается методологическая база диссертации, определяются её новизна, теоретическая и научно-практическая значимость.

Первая глава — «Теоретические предпосылки и методологические основы исследования потребностей человека в контексте культуры повседневности военного времени» - состоит из трех параграфов.

В параграфе 1.1 «Координаты «культуры повседневности» в науке» представлен подробный критический обзор персоналий, научных школ и исследовательских подходов к изучению повседневности, различных определений понятия "культура повседневности", проводится сопоставительный анализ синонимичных ему научных дефиниций —

«обыденная культура», «быт», «образ жизни», рассмотрены кризисные ситуации в культуре повседневности.

Отмечается, что наиболее последовательными являются три исследовательские стратегии, которые можно обобщенно назвать историко-антропологической, феноменолого-социологической и культурно-семiotической.

Впервые слово «повседневность» как научный термин стали употреблять представители школы «Анналов». Реализуемый ими подход к исследованию повседневности получил название макроисторического. Макроистория предполагает реконструкцию типичных для того или иного периода ситуаций или же структурных типологий межчеловеческих отношений; ментальных установок, стереотипов, реакций на окружающий мир согласно архетипическим традициям, которые определяют и внешний рисунок событий общественной жизни, и их внутренние причины. Исследовательские традиции «Школы Анналов» были восприняты и продолжены отечественными учеными – А.Я.Гуревичем, А.Л.Ястребицкой, Ю.Л.Бессмертным. Другой подход – микроисторический – напротив, претендует с максимально достаточной для их понимания полнотой восстановить детали последовательных и в целом неповторимых событий, которые происходили с теми или иными лицами, контактными группами, представителями этнополитических и прочих общностей, организаций на определённом отрезке прошлого. Именно микроисторики, изучавшие повседневность XX века, обратились к анализу переходных, переломных эпох, исследовали способы выживания и адаптации в условиях войн, революций, террора, голода. В современной российской исторической науке исследованием военной повседневности активно занимаются Е.С.Сенявская, А.С. Сенявский, Л.В.Жукова, В.А.Литвиненко и др.

В рамках социолого-феноменологического направления повседневность предстает как процесс жизнедеятельности индивидов в привычных жизненных ситуациях и на фоне самоочевидных ожиданий, типизации и интересубъективной коммуникации. Наиболее полно указанная категория разработана А.Шюцем, считавшим мир повседневности верховной, первичной реальностью. Идею о высоком статусе повседневности как первоосновы постижения, освоения и преобразования человеческого окружающего мира поддерживают и создатели теории социального конструирования П.Бергер и Т.Лукман. Теоретическое осмысление феномена

повседневной жизни в отечественной социологии связано с именем Л.Г.Ионина, который является автором первой в России словарной дефиниции повседневности. Особый интерес вызывают научные труды Н.Н.Козловой: она подытожила советскую традицию изучения повседневности, а материалом для её работ являлись актуальные в контексте настоящего исследования «человеческие документы» (письма, дневники, устные рассказы).

Культурно-семиотическое направление трактует повседневность как многоуровневую семиотическую систему, которая задает правила означивания и интерпретации действительности и создает символические основания культурной саморепрезентации различных социальных групп. Самого пристального внимания заслуживают, на наш взгляд, работы Ю. М. Лотмана и Г. С. Кнабе.

Попытку теоретического осмысления повседневности на основе обобщающей, философско-культурологической концепции предпринял В.Д.Лелеко. Концептуальная модель повседневности, предложенная В.Д. Лелеко, предстает как пространственно-временной континуум, наполненный вещами и событиями. Сломанный чрезвычайными обстоятельствами уклад жизни В.Д. Лелеко именует «экстремальной повседневностью»³. Кризис всегда содержит угрозу существующему порядку. В большинстве случаев это связано с человеческими жертвами. Ярким примером подобных кризисных ситуаций, наиболее трагических по своим последствиям, являются войны, в частности, исследуемая нами Великая Отечественная война 1941-1945 годов.

Исследованию кризисных ситуаций в российской культуре повседневности посвящены работы Н.Л. Новиковой⁴. Кризисные ситуации отличаются новизной, динамичностью, дефицитом информации, трансформацией существующих культурных норм.

В современных научных дефинициях исследуемого понятия существует масса противоречий, наблюдается стихийность и непоследовательность его употребления. Представляется, что наиболее развернутое и всестороннее определение «культуры повседневности» дает исследователь И.В.Кондаков, в нем отмечены следующие фундаментальные характеристики данного феномена: тесная связь культуры повседневности с обыденной культурой, её социально-

³ Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. - СПб., 2002. – С. 113.

⁴ Новикова Н.Л. Повседневность как феномен культуры. – Саранск, 2003; Культура повседневности. Теоретический аспект. - Саранск, 2004.

стратификационная и историко-культурная изменчивость, сопряжение образа жизни и образа мышления людей определенной исторической, социальной и культурной общности. К основным характеристикам культуры повседневности относится первоочередное удовлетворение частных потребностей, она может быть рассмотрена через призму повседневной деятельности человека и его повседневного опыта типизации и интерпретации действительности.

В качестве базовой дефиниции повседневности в нашем исследовании принимается определение данного понятия, предложенное Л.В.Беловинским: «повседневность есть практическая реализация в процессе исторического бытия существующих и выработка новых культурных норм и стандартов, формируемых жизненным опытом индивида и социума»⁵.

1.2 «Потребности в культуре как объект научной рефлексии».

Данный параграф предваряется развернутым анализом словарных и авторских дефиниций понятия «потребность», раскрывается обусловленность потребностей человека культурой, культурными нормами, приводится обзор существующих научных классификаций человеческих потребностей.

Отмечается, что в отечественной науке в определении исследуемого понятия сложилась традиция, в соответствии с которой «потребность» определяется посредством термина «нужда» и близкими ему по значению - «необходимость», «недостаток», «неудовлетворенность» с акцентом либо на предмете потребности, либо на субъекте. В первом варианте потребность предстает как необходимость, вытекающая из внешних условий бытия субъекта и выражающая его зависимость от этих условий. Во втором случае потребность принадлежит внутреннему миру субъекта, является побудителем его активности, становится в один ряд с другими побуждениями человека к действию – влечениями, желаниями, намерениями и т.д. В перспективе разработки общей теории потребностей представляется продуктивным понимание её как позитивной характеристики, отражающей форму взаимодействия субъекта с миром. М.С.Каган с соавторами определяют потребность как отражение объективного отношения между необходимым для субъекта и наличествующим.⁶

⁵ Беловинский Л.В. Историко-культурные аспекты повседневности: содержание, структура, динамика. Автореф. дис. д. ист.н. – М., 2003. – С.15.

⁶ Проблема потребностей в этике и эстетике. Под ред. проф. М.С.Кагана, проф. В.Г.Иванова. – Л., 1976. – С.10.

Б.Малиновский определял культуру как порожденную обществом систему способов удовлетворения потребностей. По его мнению, теория культуры должна отталкиваться от родовых или «базовых» потребностей человека, из которых в условиях общественной жизни возникают «вторичные», именуемые «социальными императивами». Функциональность культуры заключается в том, что она служит удовлетворению этих двух групп человеческих потребностей. Данная концепция полностью исключает личностное и социальное (групповое) начало из понимания феномена «потребности». Согласно Б.Малиновскому, потребность представляет собой относительно статичный элемент культуры, который не зависит от её специфики, не демонстрирует уникальных, декларированных социально-культурной средой способов удовлетворения потребностей. Попытка преодолеть эти заблуждения была предпринята в работах А.Рэдклифф - Брауна, который включает в практику изучения потребностей понятие структуры, стратифицируя как базовый феномен, так и способы его удовлетворения. В соответствии с его концепцией потребности и формы их демонстрации и реализации напрямую зависят от актуальных культурных доминант, действующих в данной социальной группе.

Польский психолог К.Обуховский насчитал более 120 существующих классификаций потребностей. Наибольшую известность получила теория возрастания потребностей А.Маслоу, в основе которой лежит его идея структурирования и иерархизации человеческих потребностей по принципу пирамиды с фундаментальными (физиологическими) потребностями внизу и «метапотребностями», т.е. потребностями в духовной самореализации личности на вершине.

Существует типология потребностей, которая изоморфна типологии различных видов и форм деятельности. Потребности различают: по субъекту, объекту, продукту деятельности и способу деятельности (М.С.Каган). Актуальной представляется типология ежедневных человеческих потребностей и соответствующих им видов деятельности (В.Д.Лелеко).

В параграфе 1.3 «Типология человеческих потребностей» ставится задача проанализировать основные положения концепции потребностей человека П.В.Симонова и М.П.Ершова: законы существования потребностей (угасания, размножения и трансформации, в том числе в кризисной ситуации), классификацию потребностей, содержание основных видов потребностей, их

роль в жизни человека. В структуре потребностей человека исследователи выделяют три основные группы потребностей: витальные (место человека в физическом пространстве), социальные (место в обществе – «в умах людей») и идеальные (место в мироздании). Перечисленные виды потребностей делятся на две разновидности: на потребности сохранения и развития.

Функционирование структуры потребностей человека осуществляется не по принципу иерархии, а по принципу доминанты. Выделяется три вида доминант: ситуативная, практическая и доминанта жизни. Повседневность представляет собой поток и смену практических доминант. Сила потребности выражается в усилиях, которые прилагаются человеком для её удовлетворения.

Биологические потребности (пища, вода, сон, половая потребность; безопасность; комфорт; потребность в экономии сил), выступают в двух вариантах – «для себя» и «для своих». Основная функция этого вида потребностей – обеспечить видовое и/или индивидуальное существование человека. Биологические потребности человека, оставаясь биологическими по своей сущности, тогда становятся подлинно человеческими, когда они опосредуются условиями общественного бытия, детерминируются достигнутым уровнем культуры. В обществе, находящемся в относительно стабильном состоянии благодаря повышению производительности человеческого труда и разнообразию действующих культурных норм, в структуре человеческих потребностей биологические потребности не играют заметной роли. В кризисной ситуации в первую очередь нарушаются культурные нормы удовлетворения именно этой группы потребностей и, актуализируясь, они оказывают влияние друг на друга внутри своей группы и на другие группы потребностей – социальные и идеальные. Потребность в экономии сил является одной из самых значительных биологических потребностей, проявляющаяся в том, что в процессе удовлетворения любой своей потребности человек стремится достичь результата наименьшими усилиями.

Социальные потребности (потребность в принадлежности к общности: идентичность, принятие другими; потребность уважения: компетентность, признание, авторитет) выступают в трех вариантах – «для себя», «для других» и «для дела». Основная функция социальных потребностей – принадлежать к социальной группе, занимать в ней определенное место, пользоваться вниманием окружающих, испытывая чувство значимости в форме любви,

авторитета, власти над «себе подобными». Существуют культурные нормы удовлетворения социальных потребностей «для себя», которые можно назвать рангами общественного положения. Вместе с ростом социальных потребностей и изменением культурных норм их удовлетворения уточняется представление о самом «месте» в человеческом обществе и повышается требовательность к этому месту. Все более привлекательной для многих становится авторитетность, а не просто право распоряжаться, не подкрепленное уважением окружающих (П.Бурдьё, П.Бергер, Т.Лукман).

К идеальным потребностям относятся: потребности познания окружающего мира и своего места в нем, потребности познания смысла и назначения своего существования как путем присвоения уже имеющихся культурных ценностей, так и путем открытия нового. Данная группа потребностей, для обозначения которой существуют различные понятия – высшие, идеальные, духовные, экзистенциальные – является принадлежностью только человеческого сообщества. Наличие и реализация этих потребностей выполняют функцию «очеловечивания» человека.

Первые попытки перечислить собственно человеческие потребности были предприняты еще в античности. Наиболее удачную типологию человеческих (экзистенциальных) потребностей предложил американский философ Э. Фромм, выделив потребность в общении, трансценденции, «укорененности», самоидентичности и системе ориентаций.

Идеальные потребности могут быть минимальной силы, они не отличаются устойчивостью и в кризисной ситуации, под влиянием биологических потребностей, угасают. На среднем, наиболее распространенном уровне, находятся идеальные потребности «относительно квалифицированных» потребителей плодов науки и искусства (человек готов трудиться и жертвовать свои силы, время и деньги, которые он мог бы отдать удовлетворению биологических или социальных потребностей). Идеальные потребности, превышающие по силе средний уровень, присущи тем, кто практически занят наукой или искусством.

В самой многозначной культурной норме удовлетворения идеальных потребностей существует наиболее устойчивое и ревностно охраняемое «ядро». Если норма нарушена именно там, то идеальные потребности выходят на первый план, подчиняя себе другие потребности. При этом очевидной становится их решающее общественное значение, их самодовлеющая

ценность в существовании человеческого рода. Например, война не может быть народной, массовой, а, значит, победной, если она является борьбой только за общественные интересы, продиктованные социальными потребностями и не защищает абсолютные, идеальные ценности.

В кризисной ситуации у человека проявляются идеальные потребности, о наличии которых он не подозревал, например, потребность в ведении ежедневных записей. Написание дневника обычно имеет главной целью накопление информации для последующего её анализа в будущем, а ответ самих авторов о функции дневника обычно колеблется в интервале между субъективно-психологической и социально-исторической мотивировкой.

Кроме трех рассмотренных выше основных видов потребностей исследователями П.В.Симоновым и М.П.Ершовым выделяются так называемые «гибридные» потребности, находящиеся на стыке биологических и социальных (этно-национальные) и социальных и идеальных (идеологические).

Вторая глава – «Отражение культуры повседневности военного времени в дневниках 1941-1945 годов» - состоит из трех параграфов.

В параграфе 2.1 **«Использование источниковедческого потенциала дневниковых записей в исследовании культуры повседневности (история, проблемы и перспективы изучения)»** отмечается, что в рамках современного источниковедения исторический источник определяется как произведение, созданное людьми в процессе осознанной целенаправленной деятельности, продукт породившей его культуры. К историческим источникам, в том числе и дневниковым записям, обращаются разные специалисты-гуманитарии, стремясь получить как можно больше информации о предмете изучаемой ими науки. Природа дневниковых записок такова, что открывает возможность сразу двух подходов к их изучению – источниковедческого и литературоведческого.

Долгое время среди историков и литературоведов господствовало упрощенное представление о дневнике. Вследствие этого факта, несмотря на распространенность дневниковых записей, уровень их теоретического осмысления оставался незначительным. В большинстве научных трудов дневники рассматривались не как самостоятельные и самодостаточные произведения, а как составная часть более крупной группы письменных источников, наряду с письмами, воспоминаниями и автобиографиями. Только

во второй половине XX века произошло признание дневниковых записей ценным литературным памятником, дневник перестал пониматься как вспомогательный, служебный материал для научных исследований в области литературы, истории и других общественных наук и стал рассматриваться в рамках научной проблематики.

Сравнительно недавно получил распространение еще один подход к исследованию мемуаристики, в том числе и дневникам, – культурологический. Основоположителем данного подхода можно считать А.Г.Тартаковского, определившего мемуаристику как «овеществленную память человечества». Ученый рассмотрел генезис русских мемуаров в широком культурологическом аспекте, дал первоначальное описание мотивировок мемуаротворчества как сложного явления культуры, развития мемуаристики в исторической перспективе, её важнейших «видовых» признаков.

Помимо выше рассмотренных, исторически сложившихся научных направлений в изучении дневников, следует отметить ряд исследовательских подходов, ставших популярными в последнее время и представляющихся перспективными: гендерный, синергетический, информационный.

Предложенная в настоящей работе функционально-деятельностная модель исследования культуры повседневности предполагает, во-первых, смещение акцента с фактологического ядра на содержащиеся в источнике субъективные смыслы; во-вторых, рассмотрение изучаемых дневниковых записей в предельно широком культурном контексте.

В параграфе 2.2 **«Дневники 1941-1945 годов как источник исследования культуры повседневности»** раскрывается источниковедческий потенциал исследуемых дневников: обосновываются принципы отбора и систематизации материала, приводится краткая характеристика социального состава авторов, выявляются актуальные проблемы исследования дневниковых записей 1941-1945 годов, устанавливаются цели их написания и специфика дневникового метода авторов.

Отмечается, что при отборе эмпирического материала строго соблюдалась специфика жанра: периодичность записей и их синхронность описываемым событиям. В результате из рассмотрения были исключены тексты, не отвечавшие указанным требованиям, например, воспоминания, написанные в форме дневников.

Для систематизации всего массива исследуемых дневников предлагаются следующие основания: а) место и ситуация, в которой разворачиваются описываемые события (выделяются фронтовые, блокадные и оккупационные записи); б) профессиональная принадлежность авторов (дневники кадровых военных и гражданских людей).

Актуальной проблемой исследования дневниковых записей 1941-1945 годов являются существующие принципы их публикации. Во-первых, процент полнотекстовых изданий весьма незначителен: чаще всего небольшие по объему фрагменты дневников, наряду с другими «человеческими документами» (письмами, воспоминаниями), включаются в тематические сборники, посвященные Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда⁷. Во-вторых, инициаторами их обнародования, как правило, являются родственники автора, которые самостоятельно редактируют и комментируют текст дневника. В этих случаях рукопись не подвергается источниковедческой экспертизе и не может использоваться в качестве исторического источника. В последнее время наметилась обнадеживающая тенденция: дневники 1941-1945 гг. все чаще стали издавать полностью и согласно правилам научной публикации исторических источников.

Анализ привлеченных в данной работе дневниковых материалов показал, что потребность в ведении ежедневных записей у дневниковедов актуализировалась только в условиях войны и блокады.

Авторы подавляющего большинства исследуемых дневников не пишут об их целевой направленности. В данном случае можно согласиться с мнением А.Г.Тартаковского, что делалось это без каких-либо специально обдуманных замыслов, видимо, стихийно-живая потребность запечатлеть свой жизненный путь опережала акт её осознания⁸. Основными функциями дневников были сохранение памяти о пережитом (мемориальная функция) и компенсация общения (психологическая функция).

⁷ Дети и блокада. Воспоминания, фрагменты дневников, свидетельства очевидцев... - СПб., 2000; Память солдатского сердца. Фронтовые письма, дневники, воспоминания, боевые документы. Чебоксары, 1995; Сталинградская эпопея... Дневники и письма солдат РККА и вермахта. - М., 2000; Будни подвига: блокадная жизнь ленинградцев в дневниках, рисунках, документах. - СПб., 2007; Медики и блокада: взгляд сквозь годы: Воспоминания, фрагменты дневников. - СПб., 1997; Архитектор в солдатской шинели... Дневники, воспоминания, стихи, рассказы архитекторов-участников ВОВ 1941-1945. - М., 1985 и т.д.

⁸ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII- первой половины XIX в. М., 1991. - С. 77.

В структуре дневниковых записей выделяются различные тематические блоки, соотносящиеся с основными видами потребностей человека: в блокадных дневниках описывается быт (биологические потребности), работа (социальные потребности), отдых (идеальные потребности), во фронтовых дневниках это несение службы – боевые действия – отдых.

Дневниковеды производили отбор материала из различных доступных им источников. К прямым источникам относят факты, очевидцем которых был сам автор, к косвенным – информация, поступающая по официальным (периодическая печать, радио) и неофициальным (рассказы очевидцев, слухи) каналам. Не только источники, но и способы сохранения информации у дневниковедов были разные.

В параграфе 2.3 «Трансформация структуры потребностей человека и культурных норм их удовлетворения в советской повседневной культуре периода Великой Отечественной войны» методом качественного анализа дневниковых записей 1941–1945 гг. и с помощью предложенной функционально-деятельностной модели исследования культуры повседневности выявляются, систематизируются и анализируются конкретные кризисные ситуации, имевшие место на фронте и в блокадном Ленинграде, прослеживается влияние этих кризисных ситуаций на структуру и культурные нормы удовлетворения биологических, социальных и идеальных потребностей человека.

Практическая доминанта. В состав практических доминант в разное время и при различных обстоятельствах входили биологические, социальные и идеальные потребности.

Удовлетворение биологических потребностей включает ведение домашнего хозяйства (заготовка, приобретение, хранение продуктов, приготовление пищи, обеспечение места и условий для сна, поддержание порядка и чистоты жилища, утвари, одежды и т.д.). В структуре биологических потребностей и сфере их удовлетворения были выявлены следующие трансформации культурных норм:

- дом уже не давал человеку чувство защищенности, появились специальные средства защиты – бомбоубежища, наблюдались массовая смена места жительства, использование непригодного жилья;
- жизненные ритмы людей больше не регулировались естественной сменой дня и ночи, а боевыми действиями, вражескими авианалетами и артобстрелами;

- нарушение запрета на употребление в пищу определенных видов животных, употребление непищевых продуктов на органической основе;
- временная атрофия сексуальной потребности;
- отсутствие или неудовлетворительное функционирование системы городских коммуникаций: угроза существованию человека, невозможность поддержания порядка и чистоты тела, жилища, утвари, одежды и т.д., в результате – разруха, наступление природных стихий на город;
- нецелевое использование городских территорий (огороды – натуральное хозяйство);
- перераспределение энергетических ресурсов организма: сознательная экономия сил и др.

Удовлетворение социальных потребностей осуществляется в процессе трудовой деятельности (добывание, сохранение, приумножение средств к существованию). В структуре социальных потребностей и сфере их удовлетворения были зафиксированы следующие трансформации:

- милитаризация общества (изменение социального статуса гражданских советских людей, нивелирование руководящей роли интеллигенции в общественной жизни и т.д.);
- возрастание значимости руководителей всех уровней, их профессионализма и личностных качеств;
- наблюдались случаи социальной несправедливости (принятая система распределения продуктов, лучшее обеспечение командного состава на фронте и др.).

Удовлетворение идеальных потребностей предполагает удовлетворение любознательности, любительские занятия:

- потребности слабой силы под давлением обострившихся биологических потребностей отходят на второй план, а средства их удовлетворения позиционируются как ненужные и бесполезные в сложившихся условиях;
- потребности средней силы требуют удовлетворения, поэтому их обладатели используют все доступные им в сложившихся условиях способы и средства;
- потребности выше среднего, даже при обострении неудовлетворенных биологических потребностей, сохраняются, побуждая человека к их удовлетворению;
- актуализированной в военных условиях оказывается потребность в ведении ежедневных записей, создается дневниковая традиция и др.

В **Заключении** подводятся итоги выполненной работы, излагаются главные выводы и намечаются возможные направления дальнейших научных изысканий. Отмечается, что исследование культуры повседневности в связи с теорией потребностей человека на основе деятельностного подхода, представленное в настоящей работе, может найти применение в последующих культурологических изысканиях по данной проблематике. Полученные результаты исследования подтверждают самодостаточность дневниковых записей как источников исследования повседневной культуры. Представляется интересной проблема изучения культуры повседневности военного времени на материале различных «человеческих документов»: писем, дневников, воспоминаний. Проведенное исследование позволяет наметить перспективы для дальнейшей разработки обобщающей категории «культура повседневности кризисного периода», применительно не только к военным, но и другим кризисным ситуациям.

Приложение содержит биографические сведения об авторах дневников.

Список публикаций по теме диссертации

1. Машнина Е.В. Мемуары как источник исследования культуры повседневности // Россия и мир. Гуманитарные проблемы. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 14. СПб., 2004.С.269-278.(0,8 п.л.).
2. Машнина Е.В. Современные научные подходы к исследованию мемуаристики // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков на рубеже веков. Вып.8. Псков. ПГПУ.2008.С.109-113.(0,3 п.л.).
3. Машнина Е.В. Мемуаристика как источник гуманитарного знания //Вопросы культурологии: Научно-Практический и методический журнал, №10, 2008. - М., ИД «Просвещение», 2008. – с.17-19. (0,4 п.л.).
4. Машнина Е.В. Некоторые аспекты культуры повседневности военного времени // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков на рубеже веков. Вып.9 Сборник Псков. ПГПУ.2009.С.173-178.(0,5 п.л.)
5. Машнина Е.В. Ведение дневниковых записей как элемент повседневной культуры блокадного Ленинграда // Сборник трудов участников городской научной конференции «Дух и культура Ленинграда в тылу Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. – СПб.: Издательство «СПбКО», 2010. С. 165-170.(0,5 п.л.).

Отпечатано с готового оригинал-макета в ЦНИТ «АСТЕРИОН»
Заказ № 019. Подписано в печать 18.01.2011 г. Бумага офсетная
Формат 60х84¹/₁₆. Объем 1,5 п.л. Тираж 150 экз.
Санкт-Петербург, 191015, а/я 83,
тел. /факс (812) 275-73-00, 970-35-70
asterion@asterion.ru